

Возможны ли перемены в сетевой России?

Три материала обсуждаемого номера журнала *Daedalus* — Генри Хейла, Брайана Тэйлора и Станислава Маркуса¹ — образуют, по сути, единый тематический блок. По мысли Хейла, природой российской политики является доминирование патрон-клиентских отношений² и преобладание понятий над формальными правилами; автор считает, что, несмотря на бурную политическую динамику и постоянные изменения конфигурации сетей, российская политика была, есть и еще многие годы будет патроналистской. Из статьи Тэйлора следует, что силовики очень неоднородны и поэтому с уходом Владимира Путина не будут консолидированы, а скорее будут спасать шкуру поодиночке. Тэйлор не согласен с часто встречающимся суждением, что со сменой лидера российская политическая система едва ли изменится, поскольку ФСБ-сети используют находящиеся в их распоряжении секретную информацию и финансы, чтобы раздавить любого потенциального соперника. Маркус, автор третьего из рассматриваемых материалов, полагает, что не может быть расчета и на олигархов как инициаторов перемен.

Согласно Хейлу, патронализм — это устойчивая модель взаимодействия внутри социума; ее суть в том, что главным средством для достижения политических и экономических целей является система персонализированных поощрений и наказаний, распределяющихся по цепочке личных знакомств, — а не некие общие внеличностные принципы, идеологии или идентичности³.

Как правило, для патроналистского общества характерны несоблюдение принципа верховенства закона, высокий уровень коррупции и широкое распространение патрон-клиентских отношений. Одна из главных отличительных черт политического процесса в обществе с высоким уровнем патронализма — то, что основными акторами в таком режиме являются не формальные институты, такие как “партии” или “парламент”, но обширные *сети* личных связей, пронизывающие, как правило, множество формальных институтов одновременно. В России самые важные сети обычно принадлежат к одной из трех категорий: те, во главе которых стоят “олигархи”; те, что организованы внутри региональных политических машин; и те, что связаны с разными ветвями государственной власти. Среди последних наиболее влиятельными в настоящее время, конечно, являются сети, связанные лично с Владимиром Путиным. Тот, кто контролирует эти сети, контролирует всю страну.

Сети в политическом процессе постсоветской России

Коалиция трех видов сетей, перечисленных выше, помогла Борису Ельцину выиграть выборы в 1996 году; это стало первым случаем демонстрации силы патронального президентства. Избирательный цикл 1999–2000 годов был классическим примером конкуренции пирамид, представленных двумя примерно

равными по силе объединениями олигархов, региональных политических машин и госчиновников — лужковско-примаковской и кремлевской. Путин, выиграв, встроил олигархов в государственные сети и ослабил политические машины регионов. Для этой цели он сначала убрал “приводные ремни”, выведя правоохранительные структуры из-под контроля глав регионов, а потом лишил политической самостоятельности и самих губернаторов, построивших машины.

Избирательный цикл 2003–2004 годов прошел спокойно, а в 2007–2008 годах в преддверии появления преемника снова усилилась конкуренция. В 2011–2012 годах, когда политические машины регионов были уже демонтированы, Кремль получил неожиданно низкие результаты на выборах. Чтобы избежать повторения подобной неудачи в будущем, можно было заняться восстановлением региональных политических машин, но вместо этого Кремль предпочел усилить единую пирамиду. Соответственно, продолжая логику Хейла, из трех ключевых видов сетей на сегодня осталось два: олигархический корпоративный и чиновно-корпоративный, с подразделением последнего на силовиков и “цивильников”.

Однако нет уверенности, что речь идет о разных сетях, а не об одних и тех же, рассматриваемых в разных ракурсах. Олигархические и государственные структуры диффундируют друг в друга, а региональные политические машины в большинстве своем разрушены. В отличие от политической ситуации прошлых лет, сегодняшние сети — скорее смешанные и отличаются друг от друга по масштабам охвата: среди них есть федеральные, федерально-региональные и региональные. А олигархи, политики-управленцы и силовики — разные измерения одной и той же сети. Наиболее крупные олигархи — обязательная часть политической системы, ее финансовый ресурс, используемый в том числе по распоряжению патрона⁴.

Таким образом, у патрональных сетей есть политические составляющие, а также силовые и те, что связаны с бизнесом, причем на разных этапах развития роль компонентов может меняться. Если во второй половине

1990-х, в условиях слабого государства, олигархи могли править бал, а силовики были у них на посылаках, то позднее главным звеном стали чиновники — гражданские и силовые. Некоторые из этих чиновников получили назначение в государственные олигархи и стали капитанами госкапитализма. Статус государственного олигарха позволяет сочетать мощь государственных ресурсов, включая силовые, с доходами и образом жизни обычного олигарха. Не случайно премьер-министр Дмитрий Медведев, по многочисленным слухам, в качестве приоритетного варианта на будущее предпочел бы пост главы “Газпрома”.

Главным госолигархом может считаться Игорь Сечин. Агрессивно используя политический и силовой ресурсы, он не только подгребают все больше активов под “Роснефть”, но и выигрывает публичную конфронтацию с правительством и экономическим блоком администрации президента (в частности, по поводу приватизации “Башнефти”⁵, доходов “Роснефтегаза”⁶ и пр.). За последние десять лет Сечин был и секретарем президента Путина в ранге замглавы администрации, и вице-премьером правительства, а в последние пять лет является президентом “Роснефти” и ответственным секретарем президентской комиссии по стратегическому развитию ТЭК. Многообразные сетевые связи Сечина дополнительно усилены семейными: его дочь была замужем за сыном тогдашнего генпрокурора Владимира Устинова⁷, который в 2007 году считался возможным преемником Путина от силового лагеря. Многолетним доверенным сотрудником, едва ли не младшим партнером Сечина можно считать Антона Устинова, племянника бывшего генпрокурора, до недавнего времени советника президента по развитию топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности.

В 2016 году Антон Устинов возглавил компанию СОГАЗ⁸. Заметим, что аффилированную с Сечиным структуру “Интер РАО” возглавляет Борис Ковальчук, сын Юрия Ковальчука, близкого к Путину предпринимателя и одного из богатейших людей России. Самого Сечина также называли в числе неформальных лидеров силовиков: будучи куратором силовых структур в Кремле, в 2004 году

он создал 6-ю Службу УСБ ФСБ, которую называли “сечинским спецназом” (ее сначала возглавлял, а потом до 2016 года курировал генерал Олег Феоктистов, сыгравший важную роль в преследовании бывшего министра экономики Алексея Улюкаева — см. ниже). До последнего времени патрональная сеть Сечина включала в себя и правоохранительный блок, однако процесс по делу Улюкаева демонстрирует, что это скорее осталось в прошлом⁹.

Сети возникают, живут, радикально преобразуются и служат материалом для новых. В этом смысле интересна сеть Юрия Лужкова, которую Хейл приводит в качестве примера в своей ранее опубликованной книге¹⁰. В бытность Лужкова мэром Москвы это была мощная сеть, которую в силу особой центральной роли столицы было бы неверно описывать просто как частный случай региональной политической машины (в нее входили Валерий Шанцев, Георгий Боос и Михаил Мень, назначенные Путиным в 2005 году на посты губернаторов соответственно Нижнего Новгорода, Калининграда и Ивановской области и вырванные, таким образом, из лужковской сети). В сентябре 2009 года начальник ГУВД Москвы Владимир Пронин, издавна входивший в лужковскую клиентелу, был заменен на “стороннего” Владимира Колокольцева. Через год со скандалом был отправлен в отставку сам Лужков. При этом председатель Мосгорсуда, обслуживавшего интересы Лужкова, одиозная Ольга Егорова до сих пор на месте. Следует отметить, что судебные составляющие сетей, как федеральные, так и региональные, — наиболее стабильны. А вот бизнес-элементы сети Лужкова в лице Андрея Бородина (банк “Москва”), жены Лужкова Елены Батуриной (компания “Интеко”) и Владимира Евтушенкова (АФК “Система”) оказались “съедены” более удачливыми конкурирующими структурами (или их продолжают “доедать” сейчас). Политический блок лужковской сети, представленный сначала партией “Отечество”, а потом блоком “Отечество — Вся Россия”, к которому можно отнести Вячеслава Володина, Олега Морозова, Алексея Пушкова, Вячеслава Никонова, после поражения в борьбе за Кремль в 2000 году встроился в “Единую Россию”.

Существование сетевых структур невозможно отрицать, но сами сети можно также рассматривать и как институты — вопрос в том, насколько жесткие. Важной особенностью сетей является то, что, по сравнению с другими институтами, у них относительно короткое время жизни. Кроме того, одна и та же политическая партия или госкорпорация может служить базой для нескольких сменяющих друг друга сетей, а одно и то же лицо может одновременно принадлежать к разным сетям (к примеру, Алексей Кудрин принадлежит и к сети питерской мэрии, и к сети гайдаровских либералов-экономистов). Необходимо отметить, что наряду с сетями российская политическая система включает в себя целый ряд других структур или институтов: корпорации, землячества и пр. Иными словами, существует напластование сетей, но в разные моменты могут актуализироваться разные сети. Важным вопросом является и то, насколько сети иерархизированы и можно ли говорить о том, что каждая имеет собственного патрона.

В условиях слабой политической институционализации и низкого социального капитала работают связи, основанные на родстве (этот феномен присутствует далеко не только в России; Россия, за исключением некоторых национальных республик РФ, здесь далеко не чемпион), корпоративной принадлежности, связках совместной деятельности. Последние — не марковские цепи, где каждый следующий элемент никак не зависит от предыдущего. Сеть отчасти снижает риски взаимодействия в сфере бизнеса или политики, добавляя взаимозависимости и поручителей. “Мягкие” сети (расстояние в два рукопожатия между членами) обеспечивают вход, дают некий кредит и начальный капитал. “Жесткие” сети (совместное участие в бизнес-проектах) уже можно считать квазиинститутом.

Сети и неонаменклатурная система

Хейл пишет, что “исторически патронализм является общемировой нормой”, а страны Запада представляют собой исключение. Представляется, однако, что патрон-клиентские

отношения в какой-то степени присутствуют и в странах развитой демократии. Вопрос состоит в том, почему в России они доминируют. В современных условиях главным фактором, по-видимому, является номенклатурный характер элиты, когда влияние актора определяется почти исключительно местом в административной системе, а оно, в свою очередь, местом в той или иной сети.

Систему государственного управления, выстроенную за время путинского правления, можно назвать неономенклатурной (ННС). В отличие от советской номенклатурной системы, где главную роль в подготовке кадров играл орготдел ЦК, в путинской главными оказались чекисты.

ННС с жесткой субординацией под страхом лишения номенклатурных благ, коллективными ответственностью и дисциплиной формализует связи в патрон-клиентских сетях и превращает сами сети в доминирующий институт. Каждый отдельный участник не обладает собственным индивидуальным политическим капиталом, а капитализирует свое положение в сети. Выбывая из сети, он теряет свой капитал. Недавние кадровые перестановки и отставки силовиков — Владимира Якунина, Виктора и Сергея Ивановых (см. ниже) — наглядный тому пример.

ННС обладает изощренными практиками контроля, но лишена подсистем массового «просеивания» и подготовки кадров; для нее характерна менее формализованная институционализация и отсутствие «коллективного руководства». В результате она не способна к воспроизводству и не может пережить собственного лидера, не претерпев при этом масштабной трансформации.

Однако трансформация возможна и без смены лидера. Весь сегодняшний институциональный дизайн системы заточен под состояние покоя, а не движения. Для обеспечения движения не хватает форматов представительства и согласования интересов как региональных, так и корпоративных. Наконец, никакая политическая система не может существовать долго без несущих конструкций, в роли которых выступают формальные и неформальные институты, а также правила игры. В последние два-три года вслед за ослаб-

лением формальных институтов стали резко ослабевать и неформальные. Старые правила игры больше не действуют, новые не объявлены. Представляется, что такое положение дел не может продолжаться долго и в ближайшем будущем Россию ждет реинституционализация в том или ином виде и установление новых правил.

Подобная реинституционализация может вести как к укреплению нынешней системы, включая ужесточение репрессий для обеспечения воспроизводства кадров, так и к ее демонтажу. В первом случае потребуется более жесткое закрепление номенклатурных позиций за теми, кто входит в состав «президентской вертикали» — включая администрацию президента, полпредов в федеральных округах и коллегии федеральных органов исполнительной власти в регионах; а также выстраивание эффективной системы отбора и подготовки кадров на базе, скажем, праймериз «Единой России» разного уровня.

Номенклатурная элита

Номенклатурная элита отличается от обычной политической элиты преобладанием наведенного потенциала, обусловленного положением в активной сети, над собственным. Это феномен плоских сетей с явным административным доминированием и, соответственно, почти тотальной зависимостью от одного патрона.

С концепцией патрональной политики Хейла хорошо сочетается модель «Политбюро», которую с 2012 года развивает Евгений Минченко. Если пользоваться терминами Хейла, то эта модель описывает самую главную сеть, ту, что связана лично с Путиным; в последней версии из восьми членов, включенных Минченко в «Политбюро 2.0»¹¹, два госчиновника (Дмитрий Медведев и Сергей Шойгу), четыре олигарха — два государственных (Игорь Сечин и Сергей Чемезов) и два «частных» (Юрий Ковальчук и Аркадий Ротенберг), один глава региональной политической машины (мэр Москвы Сергей Собянин) и политик-чиновник Вячеслав Володин, ресурсом которого являются полтора

десятка поставленных им губернаторов (впрочем, “свои” главы регионов есть и у других “членов политбюро” — см. ниже). С учетом тех, кого Минченко называет “кандидатами в члены политбюро”, наверху пирамиды оказываются 50 человек, в том числе 29 госчиновников, 15 олигархов (в том числе шесть государственных), два главы регионов (Собянин и Рамзан Кадыров), а также два политика (Володин и Валентина Матвиенко) и два “идеолога” (патриарх Русской православной церкви Кирилл и епископ Тихон Шевкунов, член Высшего церковного совета Русской православной церкви).

Если посмотреть на Политбюро 2.0 с точки зрения представительства силовиков, то сейчас в него входит один силовик — министр обороны Шойгу и еще два “силоварха” — Сечин и Чемезов. Среди “кандидатов” их девять, включая Виктора Золотова, Рамзана Кадырова¹² и Сергея Иванова, находящегося в “переходной зоне”, на пути к более низкому статусу “члена ЦК”. Влиятельные силовики в большинстве своем — ветераны “политбюро”, находящиеся на своих постах многие годы. Исключений два: глава Росгвардии Золотов и новый глава Службы внешней разведки Сергей Нарышкин недавно заняли свои посты; впрочем, оба являются ветеранами спецслужб. Среди покинувших олимп — силовики-отставники Евгений Муров (Федеральная служба охраны) и Виктор Иванов (ФКСН) и остающийся пока на своем посту глава МВД Владимир Колокольцев.

Что касается олигархов, то все государственные олигархи достигли власти и богатства после прихода к власти Путина, а из девяти “частников” новых путинских олигархов, в конструкции Минченко, четыре, зато все, кроме Леонида Михельсона, на самом верху.

Из ельцинских олигархов в синклит наиболее влиятельных входят Владимир Потанин, Олег Дерипаска, Михаил Фридман и Вагит Алекперов, а из выдвинувшихся уже при Путине — Алишер Усманов. У всех олигархов ельцинской поры основным активом являются сырьевые ресурсы, в то время как у большинства путинских олигархов главный источник богатства — инфраструктурная собственность.

Все олигархи прошли серьезный отбор и жестко встроены в систему, однако они могут стать агентами перемен в силу нарастающей внутривидовой борьбы и желания любой ценой сохранить свои активы, что недостаточно учитывает в своих построениях автор *Daedalus* Станислав Маркус.

Изменения в слое олигархов носят скорее эволюционный характер, и за последние пару лет никаких радикальных сдвигов здесь, пожалуй, не произошло. Исключение составляет упомянутое “подъедание” остатков лужковской группы и экспансия Сечина. А вот в силовой части ландшафт изменился радикально. В результате отмеченного выше ухода многолетних влиятельных руководителей-“феодалов”, таких как Якунин, Виктор Иванов, Муров, Владимир Кожин, меняется сама концепция устройства государства. Происходит централизация и инструментализация силовиков, когда силовой ресурс отсекают от политики, с тем чтобы соответствующие ведомства действовали по прямому заданию Кремля, а не по своему разумению и не в интересах своей силовой корпорации.

Общий итог реформирования силового блока включает в себя:

- масштабные замены в руководстве практически всех структур силового блока, отчего а) оказались выведены из игры старожилы и модераторы, которые координировали действия разных ведомств (эту функцию в разное время выполняли Сечин и Владимир Устинов, а также Виктор Иванов, а затем Муров и Евгений Школов);

- б) были ослаблены позиции большинства руководителей силовых корпораций. К середине 2017 года ослабленным выглядит силовой блок в целом и отдельные его корпорации, а накопившиеся в нем внутренние дисбалансы сглажены;

- усложнение всей конструкции и ослабление начавшего было складываться доминирования ФСБ — в результате воспроизводства сдержек и противовесов внутри ФСБ и превращения его в своего рода холдинг, а также выделения из состава МВД Росгвардии, новой силовой структуры. Само МВД перестало быть силовым ведомством, и к нему были присоединены ФСКН и ФМС;

■ превращение Росгвардии, по сути, в противовес армии; еще одним ударом по оборонному ведомству стало выведение главной военной прокуратуры из-под фактического контроля со стороны министерства обороны;

■ практически полное обновление руководства экономической части силового блока (прежде всего Департамента экономической безопасности ФСБ и Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД; одновременно усилена их функция контроля за соблюдением “правил”). “Залповая” замена руководства ведомств ведет к ослаблению всех сложившихся схем, включая крышевание;

■ начало репрессий против высокопоставленных силовиков как на федеральном уровне (репрессии затронули ГУЭБиПК МВД, руководство Следственного комитета (СКР), Спецстрой и др.), так и на региональном (объектом репрессий стали структуры ГУЭБиПК в регионах, Следственное управление СКР по Москве, Кемеровской области).

“Политбюро 2.0” представляет собой умозрительную конструкцию. Те, кого Минченко называет членами “путинского политбюро”, в таком формате никогда не собираются. Поэтому представляется особенно интересным взглянуть на те связи, которые реализуются в совместных мероприятиях, где участники регулярно собираются вместе. Примером может служить возглавляемый Путиным с 2009 года Попечительский совет Русского географического общества (РГО). Приглашения войти в состав Попечительского совета поступали от лица Путина, а непосредственно — от президента РГО Шойгу. Сам Путин недавно высказался о встречах Попечительского совета РГО следующим образом: “Мне кажется, что наши нечастые, но регулярные встречи приобретают такой приятный семейный, но в то же время полезный и содержательный характер”¹³. Поначалу, когда от попечителей были нужны лишь деньги, в состав Совета входили олигархи образца 2009 года (информационно-пропагандистские функции РГО обеспечивает медиасовет). В 2017 году состав Совета был расширен; в него вошли сразу несколько госолигархов и госчиновников: Олег Белозеров (РЖД), Герман Греф

(Сбербанк), Андрей Костин (ВТБ), Владимир Литвиненко (петербургский Горный институт), Николай Токарев (“Транснефть”), Антон Вайно (администрация президента), Игорь Сечин (“Роснефть”). Эти изменения в составе свидетельствуют о нарастающей этатизации и стремлении к инструментализации данного органа. Сходные конструкции выстраиваются и на региональном уровне.

Патрональная модель: возможности инструментализации

Предлагаемая Хейлом схема хороша как описательная модель, но в какой мере она годится для анализа реальных политических и экономических процессов или для построения сценариев развития? Для этих целей нам кажется необходимым наполнить патрональную модель реальным содержанием — осуществить ее инструментализацию; усилить внимание к функционированию и практикам; учитывать изменения последнего времени — как внешние, так и системные, включая меняющуюся морфологию сетей.

Сети часто сложным образом пересекаются с формальными институтами — политическими партиями и регулятивными институтами. Но это не так в отношении корпораций, поскольку патрон сети должен обладать самостоятельной сферой ответственности и ресурсной базой для поддержания сети. Корпорации же могут быть как отраслевыми, федеральными, так и интегральными региональными. Таких региональных корпораций — относительно закрытых для неместного бизнеса, с жестким контролем главы региона за всеми игроками — сейчас осталось совсем мало: это Чечня и Татарстан и, в меньшей степени, Кузбасс и Белгородская область.

В силу своей краткости статьи Маркуса, Тэйлора и Хейла внеисторичны и отчасти внеэкономичны; в них отсутствует анализ меняющегося баланса затрат и выгод (cost-benefit analysis). Необходимо учитывать также и политэкономический аспект: при сильном централизованном государстве в условиях рентно-перераспределительной экономики патронализм с крутой пирамидальностью

вполне объясним, если не единственно возможен. Сейчас, однако, политэкономическая база меняется, поскольку сокращается доля централизованно распределяемой сырьевой ренты, а развитие патронализма идет, как представляется, в сторону, противоположную этим изменениям

Можно ли говорить о том, что уровень патронализма в России в последние годы усилился (а не ослабел или не видоизменился)? Как можно измерить эти изменения или хотя бы оценить их путем описания структуры патрональных сетей? Как в рамках этой модели выглядит политическая динамика последнего времени? Провоцируемые и поддерживаемые конфликты внутри корпораций и между ними — это своего рода квазисдержки и противовесы. Они не имеют и не могут иметь институционального разрешения и время от времени требуют вмешательства арбитра.

Практики

Политическую ситуацию в России и перспективы ее развития трудно понять, рассматривая исключительно институциональный дизайн: представительную, исполнительную и судебную власти, политические партии, избирательную систему — или сети как институт особого рода. То, как институты работают, или что работает вместо них, если они работают плохо, можно объяснить, анализируя практики.

Конфликты и их разрешение. Внутри российской политической системы постоянно идет борьба, и в последнее время эта конфликтность нарастает в результате накопления конструктивных противоречий, а также вследствие сокращения “рентного пирога”. Действующая система, основанная на постоянном росте “пирога”, не имела встроенных механизмов перераспределения собственности и доходов, которое сейчас осуществляется в ручном режиме и в инициативном порядке. Помимо конфликтов, которые неизбежно возникают в этой ситуации, есть еще конфликты управляемые и провоцируемые. Сети схлестываются, используя во внутривидовой борьбе как контролируемый ими силовой ресурс, так и судебную систему.

Из наиболее серьезных столкновений между сетями, возникших в недавнее время, можно отметить узел конфликтов между Александром Бортниковым/ФСБ и Рамзаном Кадыровым, последовавших после убийства Бориса Немцова в конце февраля 2015 года (сюда же подверстываются и другие конфликты Кадырова с федералами в лице МВД и судебной системы); а также узел конфликтов 2016–2017 годов вокруг Роснефти. В первом случае разрешение конфронтации выглядело следующим образом: Кадыров получил орден Почета, ФСБ — отмашку на репрессии против действующих губернаторов, начиная с Александра Хорошавина, а через год была создана Росгвардия. Во втором случае сначала произошел отъем “Башнефти” у “Системы”/Евтушенкова, потом “приватизация” “Башнефти” государственной “Роснефтью”, вопреки консолидированной позиции экономического блока правительства и администрации президента; а затем детективная история с арестом министра экономического развития Улюкаева, который был осуществлен прикомандированным к “Роснефти” генералом ФСБ Феоктистовым при личном участии Сечина. К этому добавилось выдвижение “Роснефтью” абсурдных требований к “Системе” о выплате 170 млрд рублей за отнятую у нее “Башнефть”, которые были почти в полном объеме удовлетворены арбитражным судом Башкирии, и призыв Путина к обеим сторонам договориться миром¹⁴.

В тех случаях, когда необходимо быстро реагировать и принимать решения, отсутствие действенного механизма согласования интересов элитных групп то и дело приводит к односторонним действиям отдельных элитных кланов. Внутриэлитная борьба все чаще приобретает публичный характер — это относится к вышеупомянутому конфликту между руководством ФСБ и главой Чечни или атакам силовиков на региональные элиты (аресты на Сахалине, в Коми и Кировской области, до этого в Волгоградской и Челябинской областях, где дело закончилось “мирными” заменами глав). Максимальная публичность в момент задержания высокопоставленных лиц, как представляется, служит предостережением элитам и гарантией необратимости процесса. Примером могут служить публичные

аресты и/или судебные разбирательства в отношении Анатолия Сердюкова в 2012 году, а также выдвижение обвинений и преследование бывшего главы Федеральной таможенной службы Андрея Бельянинова и Улюкаева в 2016–2017-м. По поводу публичного задержания Бельянинова Путин как будто высказал неодобрение на ежегодной пресс-конференции в декабре 2016-го¹⁵.

Усугубляются трения между отдельными силовыми корпорациями (между ФСБ и СКР с одной стороны и МВД с другой¹⁶; а также между СКР и Генпрокуратурой¹⁷); с рядом конфликтов связана и экспансия ФСБ и ФСО. Представляется, что речь идет как о столкновении силовых корпоративных патрональных сетей, так и об использовании силовых ресурсов на службе кланов и “перебивка крыш” в их интересах.

Принятие решений — одна из самых закрытых сторон функционирования системы, так что вместо относительно строгого анализа здесь возможны только реконструкции на основе фрагментарной информации. При этом усиление персоналистского характера режима и роли Путина в принятии решений парадоксальным образом имеет следствием все более частные, не согласованные с другими инициативные действия элитных групп, включая патрональные сети.

То, что все сколько-нибудь значимые решения принимаются либо лично Путиным, либо по согласованию с ним, не означает легкости и однозначности решений. Поскольку, как уже говорилось выше, отсутствует формат для единовременного согласования интересов, в случаях, когда оказываются затронуты интересы различных элитных кланов/групп, решения практически никогда не принимаются раз и навсегда: они объявляются, пересматриваются, сдвигаются по срокам исполнения, иногда отменяются. Объявление о принятом решении не означает, что оно будет реализовано. В ряде случаев те или иные шаги обсуждаются публично, но тем не менее остаются не принятыми: например, об изменении возраста выхода на пенсию и пенсионной реформе в целом, об объединении следственных управлений различных правоохранительных ведомств и создании

российского аналога ФБР и пр. Для того чтобы решение было принято и реализовано, необходимо наличие заинтересованных членов элиты, обладающих достаточной силой “продавливания”, чтобы преодолеть сопротивление оппонентов.

Отсутствие формата для согласования интересов, в особенности в условиях нарастающего дефицита ресурсов, также повышает риск принятия неправильных/несбалансированных решений или непринятия решений вовремя. При этом каждая корпорация/патрональная сеть предпочитает опираться на собственных экспертов, подобранных по принципу лояльности. Примером могут служить радикальные изменения всей экспертной сети администрации президента при замене Суркова на Володина в 2012 году, а затем Володина на Кириенко в 2016 году¹⁸. В результате экспертная проработка и серьезное обсуждение подменяются пропагандистским сопровождением.

Кадровые и структурные решения, наоборот, нередко принимаются и реализуются в режиме спецопераций. В качестве бенефициаров могут выступать различные корпорации и элитные группы. При этом, однако, соблюдается своего рода очередность — для того, чтобы сохранялся общий баланс сил. И корпорация/сеть, которая выигрывает сегодня, как правило, должна проиграть завтра. Исключений из этого правила пока два: Рамзан Кадыров и Игорь Сечин, которые выигрывают систематически.

Неудивительно, что именно применительно к кадровым решениям патроналистский подход оказывается наиболее продуктивным. Он помогает понять логику назначений, обращая внимание не только на то, кто именно получает назначение на высокий пост, но и на тех, кого эта фигура “вытягивает” наверх вслед за собой, а также оценить, позитивным или негативным является то или иное перемещение для карьеры перемещаемого лица. Если новое назначение — знак большого доверия, то перемещаемый чиновник получает карт-бланш на формирование команды на новом месте и на подбор замены на тот пост, который он освободил. В последнем случае его патрональная сеть укрепляется

и растет вширь. Хорошим примером такого рода может служить министр обороны Шойгу: помимо своего нынешнего поста во главе министерства он сохраняет неформальное влияние в министерстве чрезвычайных ситуаций, которое он возглавлял в 1994–2012 годах, в администрации Московской области, главой которой он был в 2012 году, и в уже упоминавшемся Русском географическом обществе, которым Шойгу с 2009 года руководит по общественной линии.

Репрессии в отношении элит, проводимые главным образом ФСБ совместно с СКР, уже нельзя назвать эксцессом. Это новая норма, способ поддержания системы в работоспособном состоянии. Они стремительно нарастают от точечных ко все более масштабным. Практически сразу после репрессий против участников протестов на Болотной стали учащаться репрессии против элит.

В последний период репрессии неуклонно расширяются, причем под каток попадают лица все более высокого ранга. В ряде случаев вместо индивидуальных дел в обвинениях речь идет об организации преступных сообществ в руководстве федеральных корпораций или регионов. В ряде крупных резонансных дел, будь то дело министерства культуры¹⁹ или ГУЭБиПК МВД²⁰, после вынесения приговора репрессии продолжают и включают в себя новых фигурантов. МВД, десятилетиями служившее противовесом КГБ-ФСБ, теряет функцию контроля над бизнесом — вдобавок к уже утраченному спецназу и части следствия. В отличие от ФСБ, оно является не столько субъектом, сколько объектом репрессий.

На федеральном уровне вслед за делом “Оборонсервиса” осенью 2013 года был проведен ряд арестов в связи с делом Росграницы и Росгранстроя. Их руководители стали первыми главами крупных корпораций, против которых были выдвинуты обвинения в создании преступного сообщества с целью хищения бюджетных средств. Примерно в то же время — после саммита АТЭС во Владивостоке — репрессии настигли Минрегионразвития. Сначала был арестован ряд сотрудников министерства, занимавшихся организацией саммита, включая замминистра Романа Панова, а в сентябре 2014 года

министерство было вовсе упразднено. Похожая судьба постигла и Спецстрой, который также был упразднен после череды скандалов и посадок 2015–2016 годов.

Репрессии в отношении руководства федеральных корпораций происходят по двум основным моделям. Более простая, разовая, — это уголовные дела против управленческой верхушки вплоть до заместителей главы соответствующей корпорации с последующим переходом руководителя в другую корпорацию или его отставкой/арестом (по этой модели осуществлялись репрессии против руководства Росграницы и Федеральной таможенной службы) и зачисткой всего руководства (под репрессии этого образца попали Минрегионразвития, Спецстрой, Краснодарский край). Особый случай — упомянутая выше ликвидация ведомств (Минрегионразвития, Спецстрой). Есть, однако, и более протяженная во времени модель “заложничества”, когда уголовные дела против руководителей второго эшелона служат рычагом контроля за корпорацией (таким образом были “подвешены на крючок” МВД, министерство культуры, “Роснано”).

Репрессии в отношении регионалов были отработаны в середине нулевых на мэрах, выступавших тогда оппонентами назначаемых губернаторов. Затем в оборот были взяты старшие региональные чиновники и экс-главы регионов и, наконец, с 2015 года — действующие губернаторы.

До 2015 года атаки силовиков на губернаторов и их команды если не были инициированы Кремлем напрямую, то по крайней мере были им санкционированы. В 2015-м действующие губернаторы были, судя по всему, лишены неформального “иммунитета”, который ранее защищал их от преследования. Яркий пример — арест главы Коми Вячеслава Гайзера и его команды в сентябре 2015 года, через пару дней после того, как в рейтинге прокремлевского Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) Гайзер оказался в пятерке наиболее эффективных глав регионов.

Силовая замена глав и “подвешивание их на крючок” путем заведения уголовных дел против заместителей практикуются как в отношении руководителей регионов, так

и в отношении глав федеральных корпораций. При этом на характер репрессий оказывает влияние постоянная ротация региональных силовиков. Некоторые из них, как Владимир Колокольцев (МВД) в Орле, а потом в Москве, или Игорь Ахримеев (ФСБ) в Челябинске, являются специально командированными “чистильщиками”, которых направляют в регион для жесткого давления на команду губернатора, в частности для того, чтобы лишить ее контроля над местным силовым ресурсом. (В иных случаях причиной репрессий может быть политический заказ, иногда с бизнес-составляющей.) Еще один тип репрессий — санкция Москвы на использование компрометирующего материала против региональной элиты. Особняком стоит феномен силовика — “теневого губернатора”, каковым, скажем, в Волгоградской области многие считают бессменного главу Следственного управления Михаила Музраева, а в Челябинской до отставки в 2017 году — уже упомянутого Игоря Ахримеева.

В 2016 году под уголовное преследование попали один губернатор, тринадцать замов губернатора, четыре мэра региональных столиц. Только за первые восемь месяцев 2017 года арестованы два руководителя региона (формально — сразу после добровольной отставки), семь вице-губернаторов или зампредов правительства, один мэр региональной столицы. Общая численность такого рода верхушки региональной элиты в стране — всего 800–900 человек; получается, что в последние два года в среднем попадает в жернова каждый 50-й, то есть репрессии затрагивают два процента элиты этого уровня²¹.

Репрессивный характер системы усиливается, причем раскручивание спирали репрессий происходит не по инициативе политического руководства, а в значительной мере по инициативе самих силовиков — подобно тому как осуществляется фальсификация на выборах: не по приказу сверху, а в результате инициативы местной администрации или даже чиновников, ответственных за проведение выборов.

Репрессии в их нынешнем виде не только значительно снижают бондинговый социальный капитал у элит, а с ним и возможность

консолидации элит на уровне низовых сетей. В результате уменьшается размер/радиус сетей/блоков, из которых выстроена пирамида власти, а она сама становится все более монолитной.

Внутриэлитное балансирование. Система, лишенная институциональных сдержек и противовесов, заменяет их квазисдержками и противовесами, используя для этой цели главным образом управляемые конфликты. Работает принцип “действие — противодействие”: любые серьезные изменения, включая кадровые, надо рассматривать в совокупности с предысторией и последствиями. Если каждое отдельное движение можно считать нарушением сложившегося баланса, то их совокупность за любой относительно продолжительный период времени, как правило, сохраняет баланс между группами внутри элиты.

Отчасти это относится к “силовикам” и “либералам” во власти в целом, но в большей мере к конкурирующим между собой ведомствам, входящим в силовую корпорацию. Чрезвычайно усилившиеся в 2014–2015 годах силовики, как сказано выше, претерпели в 2016 году масштабное реформирование, итогом которого стало ослабление силовой корпорации в целом и каждой входящей в нее структуры в отдельности. При этом ряд структур — Госнаркоконтроль и ФМС — были просто расформированы; в других, как в ФСО или ФТС, радикально сменилось руководство, в третьих, как в ФСБ, СКР и Генпрокуратуре, произошла чистка на уровне заместителей высшего лица. Наконец, МВД, из которого были выведены Внутренние войска и спецназ, практически утратило функции силового ведомства, оставшись чисто правоохранительным. Несколько особняком стоит министерство обороны (МО) — пожалуй, главный бенефициар посткрымского периода, тоже, впрочем, не обошедшееся без потерь (см. упомянутые выше эпизоды, связанные с ликвидацией Спецстроя и фактическим выведением Главной военной прокуратуры (формально она и не подчинялась МО) из-под контроля МО; а также создание Росгвардии, новой силовой структуры, которую можно отчасти считать противовесом МО).

Сменив в 2006 году генерального прокурора, претендовавшего на главенствующее положение среди силовиков, и выделив из прокуратуры Следственный комитет, который был превращен в самостоятельную структуру, Кремль с тех пор постоянно поддерживает то тлеющий, то разгорающийся в полную силу конфликт между этими двумя ведомствами, в частности персональный конфликт между генпрокурором Юрием Чайкой и главой СКР Александром Бастрыкиным. Опыт другого такого противостояния — между Виктором Черкесовым (Наркоконтроль) и Николаем Патрушевым (ФСБ), которое в 2008 году завершилось уходом обоих со своих постов, позволяет предположить, что нечто подобное может ожидать в будущем Бастрыкина и Чайку. Управляемые конфликты имеют место не только между корпорациями, но и внутри них (между руководителем и первым замом) — начиная с администрации президента (сначала по линии Сергей Иванов — Вячеслав Володин, теперь Антон Вайно — Сергей Кириенко) и ФСБ (Александр Бортников — Сергей Королев) и вплоть до любой госкорпорации.

В рамках концепции патрональных сетей внутриэлитное балансирование означает, что конкуренция между ними, какой бы жесткой она ни была, ограничена определенными пределами, не позволяющими одной большой сети существенно усилиться, поглотив другую, а также что наряду с внешними действуют и внутренние механизмы, предохраняющие от чересчур радикальных изменений внутрисистемных пропорций. Наконец, сети, как пчелиный рой, при чрезмерном разрастании начинают делиться.

Назначения губернаторов. В 2012 году была отменена работавшая с 2005 года система “приведения губернаторов к должности” и были восстановлены губернаторские выборы (правда, с муниципальными фильтрами, позволявшими отсеять нежелательных кандидатов от участия в выборах). За прошедшие пять лет — вплоть до сентября 2017 года — было произведено 42 новых назначения и переназначен на новый срок 51 глава региона. Таким образом, в течение нынешнего президентского срока губернаторский корпус

обновился ровно наполовину. Он помолодел и изменился качественно, значительную часть его составляют “варяги” — представители других регионов, федеральных ведомств и корпораций, не связанные до этого с регионом и не имевшие в прошлом опыта публичной политики. Главные их достоинства — лояльность Центру и управленческая эффективность в технократическом понимании, то есть обеспечивающая контроль, но не развитие. Губернаторы нового поколения хорошо вписаны в федеральные клиентелистские сети; их назначения можно рассматривать в рамках системы неформального шефства корпораций и элитных кланов над регионами. Эта система дает возможность Кремлю выстраивать отношения коллективной ответственности, то есть спрашивать не с конкретной персоны руководителя региона, а с большой корпорации; последняя формирует управленческую команду, обеспечивает ресурсами, как финансовыми, так и лоббистскими, и пр.

Кроме того, пакетные назначения губернаторов позволяют сохранять баланс сил и интересов всех основных корпораций. Предварительные расчеты, проведенные нами с привлечением ряда экспертов, показывают, что на сегодняшний день наиболее значительными сетями в губернаторском корпусе располагают “Ростех”/Чемезов (9 глав регионов); ФСБ и ФСО (8); “Роснефть”/Сечин (7); “Газпром”/Миллер (5); Сергей Шойгу (5); Сергей Собянин (5); Геннадий Тимченко (5); Виктор Золотов (4); Аркадий Ротенберг (4) и Алишер Усманов (3). (В этих расчетах сознательно не учтены клиентелистские сети (16 глав регионов) бывшего замглавы администрации президента Володина; на протяжении длительного периода, когда Володин работал в администрации президента, подбор фигур на губернаторские посты входил в сферу его служебных полномочий.)

Две последние серии назначений — лета 2016 года и зимы 2017 года — отличаются от предыдущих. Сначала среди новоназначенных глав регионов оказались лица из числа силовиков, которые входили в непосредственное окружение Путина, а незадолго до назначения в регионы прошли короткую обкатку-стажировку на публич-

ных постах в силовых и правоохранительных структурах. Последние по времени назначенцы оказались либо “ссылными” федералами, либо молодыми управленцами-технократами из федеральных же управленческих структур.

Серия губернаторских назначений сентября 2017 года во многом является продолжением февральской. Если первая была “пробой пера”, то результаты выборов 2017 года, по видимому, убедили Кремль в правильности выбранной модели, и теперь власти действуют смелее, заменяя тех глав крупных, электро-значимых регионов, которые не пользуются поддержкой ни элит, ни граждан и тем самым на президентских выборах 2018 года могут оказаться скорее препятствием, чем подспорьем.

С 2014 года губернаторы легитимируются прежде всего президентом, который их назначает, а потом проходят через дополнительное подтверждение на выборах. Опасаясь восстановления региональных политических машин, Кремль, как правило, не назначает влиятельных и известных представителей региональной элиты в их собственный регион (в крайнем случае они могут получить назначение в другой).

Трансформация сетевой структуры

Из анализа практик вытекают несколько важных соображений относительно того, как трансформируется сетевая структура.

Эволюция режима, происходящая с 2000 года, может быть описана как непрерывное изменение самих сетей и их комбинаций. В качестве блоков при выстраивании разных конфигураций выступают не большие патрональные сети, а их отдельные элементы. Типологически эти элементы являются политико-административными (именно они, как правило, составляют ядро), предпринимательскими и силовыми. Бизнес в условиях государственного доминирования играет несколько подчиненную роль, но его отношения с политико-административным ядром можно назвать симбиотическими. Несмотря на то, что силовики оказывают огромное влияние на сегодняшнюю российскую жизнь, их

роль главным образом инструментальная. При этом и силовики, и госчиновники, как правило, отрягают своих родственников, особенно детей, именно в бизнес, который позволяет конвертировать и силовой, и политический ресурс в материальный.

Как было показано выше, важную роль в трансформации сетевой структуры играют репрессии. Ослабление патрональных сетей второго порядка в результате репрессий ведет к атомизации элит и разрушению социального капитала, консервирует статус-кво и парализует возможности социально-экономического развития страны. Примером могут служить те упомянутые выше российские регионы, где масштабные репрессии против элиты идут полным ходом. Заметим, что и в регионах, и в корпорациях репрессии “снизу”, то есть те, что начинаются не с главы региона, а с чиновников более низкого уровня, используя сбор компромата на субпатронов и схему заложничества, имеют целью в том числе поставить всю сеть под жесткий контроль.

Эволюция патроналистской системы в последние три года направлена на встраивание конкурирующих между собой сетей-пирамид в единую сеть. Происходит “обезглавливание” одних серьезных сетей — Федеральная служба охраны, Управление делами президента, Федеральная таможенная служба, РЖД — и ликвидация автономности других, таких как Госнаркоконтроль или Федеральная миграционная служба. Пирамида в результате становится все более монолитной, управляемой и жестко контролируемой из единого центра.

Иллюстрацией могут также служить упомянутые назначения губернаторов 2016–2017 годов, когда и среди назначенцев-силовиков, и среди “технократов” преобладали не столько представители крупных корпораций, сколько люди, близкие лично к Путину.

Заметим, что Путин не только укрепляет единую пирамиду, ослабляя встроены в нее сети, возглавляемые субпатронами, но и отсекает “щупальца” от сетей, чьи центры находятся за пределами России и тем самым за пределами контроля Кремля. Это сети глобальных НПО и различных “нежелательных”

иностранных организаций, в первую очередь западные фонды.

Стоит ли ждать перемен?

Общий вопрос, на который ищут ответ авторы журнала *Daedalus*, — возможны ли перемены и кто может стать их агентом. Проблема в том, что российская система, которую они анализируют, уже много лет находится в состоянии покоя — хотя внутри все бурлит, в целом страна и ее экономика никуда не движутся. В этих условиях неудивительно, что эксперты, пытающиеся экстраполировать нынешнее балансирование вокруг сохранения статус-кво, не находят революционного класса или слоя, желающего перемен и способного их осуществить.

Однако состояние неподвижности, в котором система пребывала относительно комфортно с 2005 года, не может длиться до 2024 года и далее — именно на столько, то есть за пределы следующего президентского срока, заглядывают вперед американские авторы. Представляется, что система непременно придет в движение, поскольку политический, финансово-экономический и социальный ресурсы сохранения статус-кво близки к исчерпанию. Кроме того, система лишена механизмов естественного воспроизводства элит, и если в 2014–2016 годах власти смогли решить проблему в отношении госчиновников, осуществив смену поколений с помощью жестких кадровых перестановок, то в отношении олигархов смена персоны патрона-собственника представляет собой отнюдь не тривиальную задачу. Ельцинские и путинские олигархи стареют, но пока не было ни одного случая наследования империй-сетей с уходом патрона-создателя. Есть лишь примеры поглощений и рейдерских захватов, сопряженных, как, например, в случае ЮКОСа, с масштабным перестраиванием всей сети, включая и региональные составляющие.

Кремль, справедливо или нет, считает олигархов первого поколения “назначенными” властью и ведет себя по отношению к ним соответствующим образом — так же,

как и по отношению к губернаторам, и к главам госкорпораций. Однако нынешняя пирамида с силовиками, “цивильниками” и олигархами в качестве составных элементов может иметь разные опоры, в зависимости от того, кто играет главную роль в связках. Так, если в 90-е годы олигархи были ведущими игроками, то в нулевые они превратились в ведомых. Тогда же, в 90-е, возникли и укрепилась региональные политические машины, впоследствии демонтированные. Возникает вопрос, насколько изменение политико-экономической базы режима, которое происходит сегодня в результате оскудения нефтяной ренты, меняет внутреннюю конфигурацию сетей и общий дизайн пирамиды.

Представляется, что ответ на вынесенный в заглавие вопрос должен быть такой: перемены не просто возможны, а неизбежны. Более того, они уже идут. Кремль меняет дизайн системы в направлении, казалось бы, противоположном тому, которого требует политэкономический тренд — усиливая, а не ослабляя централизацию. Это означает, что напряжения в системе растут, требуя либо пересмотра политики, что сегодня представляется практически невероятным, либо усиления репрессий, что, собственно, и происходит. Как справедливо отмечает Генри Хейл, едва ли можно ожидать, что трансформация приведет к изменению патрональной сути системы. При эволюционном развитии патрональные сети как более сильные не могут уступить место формальным институтам, а при революционном, в силу слабости институтов, на месте демонтированных патрональных сетей неизбежно возникнут новые. Авторам *Daedalus*, как и любому эксперту, трудно, практически невозможно представить себе механизм изменения российской системы. Еще труднее, однако, представить себе механизм ее сохранения после ухода с политической сцены Путина, который является ее творцом.

Примечания

- 1 HALE H.E. *Russian Patronal Politics beyond Putin* // *Daedalus*. Spring 2017. Vol. 146, Issue 2. P. 30–40. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00432 (доступ 11.10.2017); TAYLOR B. D. *Russian “Siloviki” and Political Change* // *Ibid.* P. 53–63. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00434 (доступ 11.10.2017); MARKUS S. *The Atlas That has Not Shrugged: Why Russia’s Oligarchs are an Unlikely Force for Change* // *Ibid.* P. 101–112. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00438 (доступ 11.10.2017).
- 2 Есть и другие проекты, рассматривающие Россию как сетевое государство, например: MOSNES A. (Ed.) *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* London: Palgrave Macmillan, 2011.
- 3 См.: ХЕЙЛ Г. *Национализм и цинизм в политике: есть ли противоречие?* // *Контрапункт*. 2015. №2. URL: <http://www.counter-point.org/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC-%D0%B8-%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC-%D0%B2-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5-%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%BB/> (доступ 11.10.2017).
- 4 Характерен с этой точки зрения ответ Путина на один из вопросов Прямой линии 23 декабря 2016 года: “Да, есть такой резерв, как деньги «Роснефтегаза». Некоторые вещи мы финансируем оттуда. Тогда, когда правительство забывает о том, что есть приоритеты, на которые нужно обращать внимание”. См.: Дьячков Н. *Путин отвечает про Роснефтегаз* // YouTube. 2016. 23 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ALotmmH65iA> (доступ 11.10.2017).
- 5 ЖЕЛЕЗНОВА М., ЭППЛЕ Н. *Чьи деньги и кто хозяин?* // *Ведомости*. 2016. 26 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/10/26/662413-dengi-kto-hozyain> (доступ 11.10.2017).
- 6 ПАПЧЕНКОВА М., СТАРИНСКАЯ Г. *Получить доходы от “Роснефтегаза” в бюджет, возможно, не получится* // *Ведомости*. 2016. 25 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/25/662262-dohodi-rosneftegaza> (доступ 11.10.2017).
- 7 Впоследствии они развелись, но внуки у Сечина и Устинова общие.
- 8 В 2008–2012 годах, когда Сечин был вице-премьером по ТЭКу, Антон Устинов сначала был его помощником, а затем — заместителем руководителя его секретариата. Затем, когда Сечин фактически возглавил президентскую комиссию по развитию ТЭКа, Антон Устинов был ее секретарем в ранге советника президента РФ.
- 9 См., например: ПАСТУХОВ В. *Неудача охотника. Чего на самом деле добивался Сечин, начиная дело Улюкаева* // *Republic*. 2017. 23 сентября. URL: <https://republic.ru/posts/86529> (доступ 11.10.2017).
- 10 HALE H. *Patronal Politics: Euroasian Regime in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 97 (См. рецензию В. Гельмана в *Контрапункте*, № 2, 2015. URL: <http://www.counter-point.org/patronal-politics-eurasian-regime-dynamics-in-comparative-perspective/> (доступ 11.10.2017) — *Прим. ред.*)
- 11 См.: *Политбюро 2.0: реновация вместо демонтажа* // Minchenko Consulting. 2017. 23 августа. URL: http://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Yubileynyy_doklad_22.08.17.pdf (доступ 11.10.2017).
- 12 Рамзан Кадыров является не только “хозяином” региональной машины, но и де-факто силовиком, чья силовая структура, пусть и не самая большая, зато абсолютно предана своему начальнику и очень маневренна.
- 13 См.: *Выступление Владимира Путина на заседании Попечительского совета РГО 29 апреля 2016 года* // *Русское географическое общество*. 2016. 29 апреля. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/vystuplenie-vladimira-putina-na-zasedanii-popечitel'skogo-soveta-rgo-29-aprelya-2016-goda> (доступ 11.10.2017).
- 14 ПЕТЛЕВОЙ В. *Сечин посоветовал “Системе” расплатиться с “Роснефтью” дивидендами от “Башнефти”* // *Ведомости*. 2017. 12 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/09/12/733378-sisteme-rosneftyu-bashnefti> (доступ 11.10.2017).

- 15 “Бельянинов — в отношении него не было никакого дела. Всякие доследственные действия, обыски, нечто подобное — это было выброшено в СМИ, и я считаю это недопустимым, это наносит ущерб деловой, да и личной репутации человека”. См.: *Большая пресс-конференция Владимира Путина* // Президент России. 2016. 23 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53573> (доступ 11.10.2017). В итоге Бельянинову так и не были предъявлены обвинения, а в октябре 2017 года он был выдвинут на пост председателя правления Евразийского банка развития (См.: Федотова А. *Медведев нашел для бывшего главы таможни Бельянинова место в банке* // РБК. 2017. 25 октября. URL: <http://www.rbc.ru/society/25/10/2017/59f04e329a7947056985a22a> (доступ 05.11.2017). Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков в связи с этим напомнил слова Путина о том, что «следственные действия нельзя превращать в шоу», и добавил, что «Бельянинов ни в чем никогда не обвинялся». (См.: *Песков прокомментировал прошлогодние обыски у Бельянинова* // РИА «Новости». 2017. 25 октября. URL: <https://ria.ru/incidents/20171025/1507519979.html> (доступ 05.11.2017))
- 16 См., например: Сухотин А. *Спецоперация “Бура в мундирах”* // Новая газета. 2017. 24 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/24/71885> (доступ 11.10.2017); *МВД против ФСБ: чем закончится новый конфликт?* // Закон и порядок. URL: <http://zakon-i-poryadok.com/2017/02/mvd-protiv-fsb-chem-zakonchitsya-novyy-konflikt.html> (доступ 11.10.2017).
- 17 См.: *Как и из-за чего воевали между собой Генеральная прокуратура и Следственный комитет?* // dp.ru. URL: https://www.dp.ru/a/2015/12/04/Kak_i_iz-za_chego_voevali (доступ 11.10.2017); Алехина М. *Чайка раскритиковал СКР и МВД за долгие и некачественные расследования* // РБК. 2017. 14 марта. URL: http://www.rbc.ru/society/14/03/2017/58c7da369a7947134252d181?from=materials_on_subject (доступ 11.10.2017).
- 18 В 2012 году с приходом Володина Фонд эффективной политики, существовавший при Суркове, был заменен Институтом социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) и Фондом развития гражданского общества (ФОРГО), а в 2016 с приходом Кириенко был создан Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ).
- 19 См.: Телегина Н., Рейтер С., Голунов И., Галактионова А., Игуменов В. *Расследование РБК: что стоит за делом Минкультуры* // 2016. 7 апреля. URL: <http://www.rbc.ru/business/07/04/2016/56fd45249a79475112dfaa11> (доступ 11.10.2017); “*Дело Минкультуры*” // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/dossier/2420.html> (доступ 11.10.2017).
- 20 По делу ГУЭБиПК в 2014 году были арестованы два генерала, один из которых погиб в 2014 году во время допроса в СКР, а второй получил в 2017 году 22 года лишения свободы. Кроме того, были арестованы полтора десятка их подчиненных, осужденных затем на длительные сроки — до 20 лет колонии строгого режима. По версии следствия, экс-глава управления противодействия коррупции МВД в 2011 году создал преступное сообщество, в которое вошли его подчиненные; они создавали и документировали не соответствующую действительности оперативную информацию о якобы преступной деятельности конкретных лиц. Репрессии против ГУЭБиПК продолжаются до сих пор, и в них появляются все новые фигуранты как на федеральном, так и на региональном уровнях. См., например: Алехина М. *В МВД рассказали о последствиях дела генерала Сугрובה* // РБК. 2017. 28 апреля. URL: <http://www.rbc.ru/society/28/04/2017/59008c3c9a7947a2c4d195db> (доступ 11.10.2017).
- 21 Более подробно о репрессиях против политических элит см.: Петров Н. *Репрессии стали механизмом контроля элиты* // Ведомости. 2017. 30 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/30/731537-repressii-kontrolya-eliti> (доступ 11.10.2017); Он же. *Методы репрессий отрабатываются в регионах* // Там же. 2017. 5 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/06/732503-metodi-repressii> (доступ 11.10.2017).